

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

**Материалы IV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции**

(г. Пермь, 19 апреля 2016 г.)

Пермь 2016

УДК 80
ББК 80
Ф54

Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы IV Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., (г. Пермь, 19 апр. 2016 г.) / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2016. – 328 с.

ISBN 978-5-7944-2855-1

В сборнике представлены материалы IV Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», прошедшей на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80
ББК 80

*Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

*Рецензент: кафедра общего языкознания
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*

*Редакционная коллегия: В.В. Абашев, Е.А. Баженова, Е.В. Ерофеева,
Б.В. Кондаков, И.И. Русинова*

Ответственный редактор: И.И. Русинова

ISBN 978-5-7944-2855-1

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2016
© Писорогло Л.Г., оформление, 2016

Королёва Светлана Юрьевна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
petel@yandex.ru

Брюханова Мария Анатольевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
bruhanova94@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ГАЙНСКИХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ: ЛУПЬИНСКАЯ МИКРОЛОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-59003 «Похоронно-поминальный фольклор Прикамья в системе русской традиционной культуры»)

В статье рассматривается современное состояние похоронно-поминальной обрядности, зафиксированное у гайнских коми-пермяков. Материалы, собранные в ходе полевых исследований 2014 года, репрезентируют одну из самых северных микролокальных традиций Пермского края – традицию поселений, расположенных по реке Лупья. Обряд сохраняет многие черты, сформированные под влиянием культуры старообрядцев. Отдельные особенности обусловлены быстрым уменьшением числа носителей традиции в связи с их миграцией на другие территории.

Ключевые слова: Пермский край; коми-пермяки; похоронно-поминальная обрядность; народные поминальные молитвы; микролокальная традиция.

В северной части Пермского края находится Гайнский район – самый крупный в Коми-Пермяцком округе. Эти глухие и отдаленные места породили значительную фольклорную традицию и до недавнего времени отличались высокой сохранностью обрядовых форм культуры.

В статье мы рассмотрим особенности современной похоронно-поминальной обрядности, зафиксированной в поселениях, расположенных по реке Лупья. Эти территории не раз попадали в поле зрения исследователей: лупьинские фольклорно-этнографические материалы, имеющие отношение к различным сферам народной жизни, представлены в работах В.Н. Белицер, Д.И. Гусева, Л.С. Грибовой,

Н.И. Жулановой, Г.И. Мальцева и других специалистов (подробный обзор источников см. в книге [Голева, Подюков и др. 2011: 6–30]). Отдельные элементы похоронно-поминальной обрядности в связи с религиозной жизнью лупьинцев описывает этнограф Т.Г. Голева [Там же: 50–67].

Наша работа базируется на сведениях, собранных в 2014 г. совместно с Е.М. Четиной в ходе экспедиции Лаборатории культурной и визуальной антропологии ПГНИУ; объем статьи позволяет сосредоточиться лишь на отдельных деталях обряда и связанных с ними фольклорных текстах. Помимо актуальных практик, приводятся данные о ритуалах, вышедших из обихода, но сохраняющихся в памяти местных жителей.

Деревни по реке Лупья упоминаются в писцовой книге И. Яхонтова: в 1579 г. здесь отмечена Верх-Лупья и Очга (впоследствии предположительно переименованная в Мыс). К первой трети XIX в. список поселений пополняют деревни Сойга и Конопля, а к концу века – Пурга. Объясняя высокую сохранность здешних старинных обычаев, журналист Ю. Арбат так охарактеризовал эти места: «Мыс и Верх-Лупья – это своеобразные острова. Они сжаты болотами и непроходимыми лесами, заключены в тесное кольцо. Ездить некуда. Поля близко» [Арбат 1970: 57]. До середины XX в. тут существовали хутора и выселки, однако к 1981 г. жилыми фактически остались только деревни Мыс, Сойга и Конопля (в составе возникшего в 1962 г. пос. Жемчужный) [Голева, Подюков и др. 2011: 38, 41–42]. Сохраняются они и сегодня, хотя отток жителей привел к заметному запустению территории.

Естественную географическую автономность этих мест усиливал конфессиональный фактор, а именно распространение старообрядчества. Известно о связи лупьинцев с их северными соседями – коми, которые были старообрядцами-беспоповцами; конфессиональные контакты этих общин подкреплялись заключением браков и родственными отношениями [Там же: 54]. И.Я. Кривошеков сообщал о принадлежности жителей Мысов и Сойги к беспоповскому толку и указывал, что они хоронили умерших возле часовни без отпевания (которое производилось временами, по прибытии священника) [Кривошеков 1914: 550]. В.Н. Белицер в середине прошлого века отмечала крайнюю изолированность старообрядцев Мысовского сельсовета от местных «мирских» [Белицер 1958: 317]. Ситуация, по-видимому, изменилась в поздний советский и постсоветский период, когда в религиозном отношении лупьинцы оказались «предоставлены сами себе»: старообрядческая традиция

распространилась на все локальное сообщество и одновременно приобрела более размытый характер. Сегодня она продолжает влиять на похоронно-поминальную обрядность, при этом необходимые ритуальные предметы (свечи, крест, погребальное покрывало и др.) местные жители покупают в православных храмах [Голева, Подюков и др. 2011: 56], а во время моления кто-то крестится двумя, а кто-то тремя перстами.

В представлениях лупыинцев о смерти и загробном мире очевидно влияние христианских догматов о бессмертии души, разделении потустороннего пространства на ад и рай, воздаянии за грехи человека: *«...а душа моя на ответ пойдёт, что я заработала на этом свете, там душа в ответе будет. А тело брренное пусть лежит»* (список информантов см. в конце статьи). К переходу в иной мир пожилые люди стараются подготовиться заранее – выбрать одежду, дать указания родственникам о своем погребении и поминках: *«Бабушка нам говорила: “Мне железный крест не ставьте, памятник, только деревянный. И никакие ограды не делайте. Душа моя должна на воле быть”»; «Мне мама сказала: “На Семик придёшь и всё, больше не ходи. Не надо тревожить”».*

Обмывание – первое ритуальное действие, которое необходимо выполнить с умершим. При этом тело кладут на плахи (доски) и солому, которую затем сжигают на улице. Покойника обряжают в чистую одежду и обувь и опускают в гроб, на дно которого предварительно кладут подстилку – листву от трех березовых веников. Тому, кто обмывал умершего, родственники подают носки и мыло; теперь могут дать и шампунь. Раньше умершего погребали с его лестовкой (четками), но чаще шили специальную лестовку из белого холста; в последнее время это делали только для женщин, т.к. мужчины «курят, пьют и не молятся» [Там же: 66]. В комнате с умершим стоит стакан с водой; у икон до 40 дней висит полотенце (потом его стирают и могут использовать).

Ключевая роль в проведении обрядов принадлежала наставнику старообрядческой общины (*попу*); он приносил на похороны и поминки Псалтирь и молился за усопшего: *«Года-то были плохие, что-то напечёшь, пирожки да что да, да квас сделаешь, да вот его просишь, и он молится. За человека. Вот он и вспоминает».* Со временем эту функцию начали выполнять и женщины (*попихи, попады*). На момент исследования молиться за усопших звали Марию Терентьевну Лесникову из д. Сойга; поминальный молебен она ведет по рукописной тетради.

По воспоминаниям, раньше в день похорон на гроб (вероятно, на крышку) стелили овечью шкуру, а на нее сажали детей: *«Всегда на гроб клали овчину, всегда. <...> Дети там сидели, вот мы с Шуриком сидели <...> вдвоём на этом гробике, как племянник и племянница мы будем деду. Он в Паску умер».*

На кладбище наставница спускается в могилу и с молитвами окуривает (*кадит*) ее, после чего даёт за землю для умершего: *«Одной рукой я держу <ковш-кадильницу>. Одной, сама крещусь, “Свято Божий” опять поёшь. Внизу, потом в середине, а потом выше ещё. А потом денежки дают. Только красненькие <медные>. И суёшь туда, сюда. <...> По кругу. В стенки <могилы>. Это земля чтобы, ну, как бы земля была для него покой, за землю ты как бы даёшь. И там ещё бросаешь сколько-то на дно».* Также на дне могилы лопатой чертится большой крест, а второй, поменьше, делается к ногам. После этого наставница поднимается из могилы и *кадит* гроб с умершим. Ладан, необходимый для окуривания, обычно заменяется смолой кедра или лиственницы, которую должны заранее приготовить родственники; при ее отсутствии используются веточки можжевельника.

Затем родственники и односельчане, пришедшие на кладбище, прощаются с покойным, обходят гроб по кругу: *«Обходит, а там ему дают. Сейчас у нас дают <через гроб> платочки, а некоторым дают, обязательно надо, говорят, дать нитки, чтоб ему <умершему> дорога была».* Также принято давать мелкие монеты детям: *«Нам почему интересно было ходить – 20 копеек давали. Прощаешься когда – 20 копеек. А 20 копеек для нас – это большие деньги были. И кто умрёт, мы идём на кладбище, все дети, 20 копеек дают. А старшим давали нитки, носовые платки тогда не давали».* После прощания в гроб с умершим сыплют несколько горстей земли (*«В землю уйдёт человек. Молитва так идёт ведь: “Из земли ты вышел, так ты в землю иди”»*).

Далее гроб заколачивают и обязательно покрывают берестой (*«Долго держится гроб с берестой, не гниёт, ничего там»*). Эту деталь погребального обряда, хорошо известную и по археологическим материалам, можно охарактеризовать как архаичную; показательно, что этнограф С.В. Чугаева на других коми-пермяцких территориях фиксирует этот обрядовый элемент как уже вышедший из употребления [Чугаева 2015: 71]. Гроб опускают в землю на полотне, которое затем отдают тем, кто копал могилу; сохраняется воспоминание, что раньше для этой цели могли использоваться вожжи. Деревянный настил – *полати* – в могиле теперь не сооружают. На могильный крест повязывают белое полотенце, которое могут заменять новым в Семик или другой поминальный день. На свежей могиле расстилают покрывало

или скатерть и проводят первую небольшую поминальную трапезу; затем поминальный обед продолжается в доме умершего.

Поминальная еда включает в себя обязательно пельмени, рыбный пирог и другую выпечку, вареные яйца, мясо. Первым делом едят горячие пельмени и разламывают пирог, приговаривая: *Помяни Господи, кушай...* (называют имя умершего). Заканчивают трапезу квасом или пивом. Старообрядцы уже не приносят на поминки свою посуду, однако вплоть до недавнего времени пожилые женщины, пользуясь утварью хозяев, могли помечать выделенные для них кружки и стаканы ниткой или повязкой; из этой посуды они пили во время всех положенных поминальных дней [Голева, Подюков и др. 2011: 60]. Теперь пьют из общей кружки, однако сначала ее стараются передать некурящим женщинам и лишь затем всем остальным [Там же: 59].

Практически вышел из обихода обычай, согласно которому в день похорон родственники умершего старались дать кому-то из богомольных старушек зерно и овечью шерсть, чтобы те поминали покойного: *«Например, у меня шерсть есть, я должна дать бабушке или кому-то <...>. Эту шерсть нужно полностью до сорочки спрясти, чтобы было чисто, чтобы она <умершая> лежала там спокойно»; «Из зерна квас сделает, вот помянет. А из шерсти свяжет что-нибудь, будет помянуть. <...> Надо бы там 70 поклонов, молиться за усопшего. А сейчас-то кому, никто не берёт, лишь бы взял, бери, бери, хоть кому дай, а не берут».*

Поминальные обеды проводят на 9-ый и 40-ой дни, также отмечают год и три года со дня смерти и *память*. В последнее время есть тенденция проводить 9-ый день узким кругом (без приглашения *попады*) и не отмечать второй год, что, возможно, объясняется экономическими трудностями, с которыми сталкиваются многие местные семьи.

В *сорочкины* делают большой обед. Из беседы с М.Т. Лесниковой, которую приглашают молиться об усопшем, следует, что, помимо молитв, важной частью ритуала является вербальная коммуникация с умершим, к которому периодически обращаются в ходе поминок (обычно на коми-пермяцком языке): *«У нас говорят, ну, я говорю: “Помяни Господи тебя, у тебя сегодня трапеза, о, сколько тебе настряпали, кушай, сегодня у тебя трапеза” <...> А они <родственники и знакомые> кушать остаются, а я долго не сижу. Я помолюсь “Отче наш” да что. “Прости меня, как я тебе сегодня читала, не обижайся на меня, – так и говоришь ему. – Вот тебе трапезу сделали, помянули тебя, только не обижайся, как я тебе молитву читала сегодня”. Всё. <...> “До году пускай ты будешь всегда сыт... До году тебе сделали, до*

году живи, что ты ешь сегодня, тебе дали”. А год обязательно тоже надо поминать».

В некоторых семьях полагают, что душа уходит на 40-ой день, а в других – на 41-ый или 43-ий (*шесть недель*); это представление находит выражение в мифологических рассказах: «Я своими собственными глазами видела, лежу на диване, уже проснулась. Бабушка ходит. Я говорю: “Чё, бабушка, ходишь?” А она говорит: “А я вещи собираю. Сорок дней исполнилось, надо же идти. Сегодня сорок первый, надо идти на своё место”». В такой день родственники ведут душу на кладбище: «Покойник всё дома живёт. Сорочины пройдёт, вспомнишь, ещё три дня пройдёт – и уходит, в шесть недель. <...> А когда лето, водили на кладбище. Умер, например, потом сорочины, три дня считаешь <...> (А что там делали?) Свечку берёшь. Вспоминали, кушали. На могилке. (А называли это “душу провожать”?) Нет, не называли. Просто надо вспоминать и всё. Что уходит из дому». На могиле после поминок иногда оставляют крупу: «Пускай птички кушают вместе с ним. Прилетают и пускай ему поют, читают».

Во многих семьях принято поминать умерших родственников без определенного повода, это делается утром за горячей едой: «Вот утром она <бабушка> встанет, помолится, идёт садится кушать <...>. Вот она скажет: “Помяни, Господи, всех усопших, знающих-незнающих, родников и сродников”. Перечислит: того-то, того-то, того-то. По имени-отчеству всех перечислит. Вот, кому-то “помяни, Господи, суп”, – или чего ли там кто ест. Всё. Свечки ставят». От пожилой жительницы д. Конопля записана поминальная молитва, которую она читает во время всех поминок дома и на кладбище: «“Помяни, Господи, душу усопшего раба твоего, покойное место, пресветлый рай. Вместе кушайте все родители”. <...> Можно называть бабушка, брат, сестра, по имени... А вот говорят: “потерявшие – не потерявшие, заблудившие – не заблудившие”. Говорят и так. (А кого ещё перечисляют?) А не знаю, я только сама так поминаю. “Забывшие – не забывшие, потерявшие – не потерявшие, все родители”». При этом умерших своей смертью поминают во вторник, четверг, субботу и воскресенье, а погибших внезапно («которые ружьем стреляются и воде-то тонут», «повешенных да каких») – в понедельник, среду и пятницу.

Самым важным календарным поминальным днем считается Семик, в этот день стараются посетить могилы всех родных. Жители еще помнят, что раньше в этот день с утра открывали настежь большие кладбищенские ворота (позднее при строительстве дороги они были уничтожены вместе с частью кладбища). На кладбище принято зажигать свечи, кадить, устраивать поминальную трапезу; еду стараются

принести на могилы всех родственников: «У меня, например, много похоронено, около одной могилы сидим, а на другие могилки наставляю гостинцы. У меня там три брата похоронены, сестра, мать, отец-то на фронте...». Тех, кого поминают, обязательно приглашают «поесть»: «Трапезу сегодня тебе сделали, кушай сегодня, мама». Также вербальный ритуальный этикет предполагает, что, приходя, с умершими нужно поздороваться, а в конце попрощаться: «Иногда у меня нет серы-то, смолы... Туда иду: “Здравствуй, мама, папа, бабушка, дедушки, тётушки”»; «Здравствуйте все, знающие – не знающие, родники и сродники»; «Прощайте, мы скоро к вам тоже придём».

Если родственники умершего его не поминают, покойник может «забрать» их скотину. В этом случае *попу* или богомольным пожилым женщинам несут еду с просьбой помянуть родных: «Пойду к старушкам, Христа ради мы называем. Дай что-нибудь, муку или чё <...>. Она помолится, смотришь – завтра находится <скотина>. <...> Они не то что родственников поминают, скажет: мать, отец, так просто. У меня отец, бабушка, мои родные – не имена, а просто говорят: мать, отец, бабушка, прабабушка, вот это, брат, умерших моих. Она так молится за них». Также в качестве наказания умерший может наслать болезнь – *мыжу*; определить причину может обряд *коечан* (локальное наименование черешлана), а исправить ситуацию помогает окказиональная поминальная трапеза и молитва: «Потом нужно обязательно хлеб испечь горячий и помянуть. <...> “Родители, если вы дали мыжу, значит отпусти её. Тебе сейчас делали трапезу, кушайте. Отпустите болезнь, пускай не болит рука, нога, где-то шея”. Так говоришь и всё».

В давно расселенных деревнях Верх-Лупья и Пурга были свои небольшие кладбища. Среди жителей пос. Жемчужный распространено представление, будто в этих деревнях людей «хоронили в огородах»: «Никто не живёт там <в Пурге>. (Она, получается, в 18-ти километрах от Жемчужного?) Да. (И хоронили в огородах?) Да. И в Верх-Лупье, там нету кладбища. (Тоже в огородах хоронили?) Ну, некоторых ложили сюда, а некоторых там». Семья Мизёвых из д. Конопля каждый год ездит в д. Пурга в Троицкую субботу, чтоб помянуть похороненного там родственника. По рассказам Т.М. Мизёвой и ее мужа, практика подобных захоронений существовала до появления кладбищ: «Н.И.: «В Верх-Лупье, по-моему, кладбище было». Т.М.: «Там потом уже было. А раньше-то в огородах хоронили». Н.И.: «А так в огородах хоронили». Т.М.: «А в Пурге-то есть кладбище». Н.И.: «Потом уже сделали, а первые-то старушки также куда попало хоронили. (А там ставили памятники?)» Н.И.: «Крест поставят». Их родственница

сообщила, что обычай распространялся только на детей и стариков: «*В Верх-Лупье-то в огородах хоронили. В огороды они раньше хоронили-то. Так, видимо, принято было. Умрёт, например, ребёнок ли чё ли. Или старый. Там хоронили, в огород*». Полученных данных недостаточно, чтоб судить, что перед нами: элемент архаики или прагматический подход нового времени. Но можно предполагать, что на каком-то этапе в этой традиции могло существовать особое отношение к захоронению детей (и, возможно, стариков); подобные случаи, очень немногочисленные, фиксировались нами и в других местах Коми-Пермяцкого округа.

Говоря о похоронно-поминальной обрядности лупьинцев в целом, ее характер можно определить как более редуцированный по сравнению с традициями остальных районов округа. Так, во время похорон отсутствует ритуал *первой встречи*, распространенный в Северном Прикамье почти повсеместно. Даже на уровне воспоминаний не удалось зафиксировать сведений об исполнении причитаний и духовных стихов (бытующих, к примеру, в зоне кочёвско-юрлинского пограничья). Крайне лаконичен по сравнению с другими локальными вариантами и обряд «проводов души» (устойчивая народная терминология для его обозначения, по-видимому, здесь отсутствует). В то же время значительное место в традиции лупьинцев продолжает сохранять ритуальный этикет, определяющий вербальное взаимодействие с умершим; многие представления о душе и загробном мире реализуются в сюжетах сказочной прозы.

Список информантов

Златина Мария Михайловна, 1937 г.р., д. Мысы.

Златина Надежда Прокопьевна, 1952 г.р., пос. Жемчужный; имеет высшее филологическое образование, работала директором школы, теперь на пенсии, местный краевед.

Лесникова Мария Терентьевна, 1952 г.р., род. в д. Данилова, проживает в д. Сойга.

Мизёв Николай Иванович, 1938 г.р., д. Конопля.

Мизёва Анастасия Ивановна, 1934 г.р., д. Сойга.

Мизёва Таисия Михайловна, 1940 г.р., д. Конопля.

Библиографический список

Арбат Ю. Сорок памятных зарубок. М.: Советская Россия, 1970. 126 с.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX вв. (Труды Инта этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. XLV). М.: Изд-во АН ССР, 1958. 362 с.

Голева Т. Г., Подюков И. А., Пономарева Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. (Труды Ин-та языка,

истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VIII). Пермь: Типография купца Тарасова, 2011. 142 с.

Кривощёков И. Я. Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: Типография «Труд», 1914. 845 с.

Чугаева С. В. Человек и Смерть: (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков: монография). Москва: Триумф, 2015. 256 с.

S. U. Korolyova

Associate Professor of Russian Literature Department
Perm State University

M. A. Brukhanova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

FUNERAL PRACTICES OF GAYNSKY KOMI-PERMYAKS: MICRO-LOCAL TRADITION

This article focuses on the current state of funeral rites, which are fixed on the territory of Gaynsky Komi-Permyaks. This study is based on field research in 2014 and represents one of the most northern microlocal traditions of Perm Region. It is a tradition of settlements located along the river Lupja. The funeral rite retains a lot of traditional elements, which were formed under the determining influence of Old Believers. Some features are related with modern social conditions.

Key words: Perm Region; Komi-Permyaks; funeral rites; non-canonical prayers for the dead; mythological narratives.